

В. С. АСТРАМЕЦКИЙ

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОГО МОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА 80-Х ГГ. XX В

В статье проанализированы семиотические уровни в структуре модернистского текста, рассматриваемого как уникальная репрезентирующая модель китайской языковой картины мира (ЯКМ). Выявлены основные структурно-смысловые аспекты функционирования знаков в китайском модернистском тексте (на материале повести Ван Аньи «Конечная станция»).

Ключевые слова: китайский язык, семиотика, модернистский текст, ЯКМ, уровни текста, Ван Аньи «Конечная станция».

U.S. ASTRAMETSKI

SEMIOTIC STRUCTURE OF THE CHINESE MODERNIST TEXTS OF THE 1980s

The article analyzes the semiotic levels in the structure of the modernist text, which is considered as a unique representative model of the Chinese linguistic image of the world. The main structural and semantic aspects of the functioning of signs in the Chinese modernist texts are revealed (based on the story by Wang Anyi «The Destination»).

Key words: Chinese language, semiotics, modernist texts, text levels, Wang Anyi «The Destination».

...всякая мысль есть знак.

Чарльз Сандерс Пирс [9, с. 180]

...чтобы мысли были вербализованы говорящим, сначала они должны быть структурированы в соответствии с уникальной семантикой данного языка.

Уоллес Чейф [13, с. 66]

В современном научном знании интерес к системе модернистских знаков относится уже не только к литературоведческой области, но определяется пересечением практически всех гуманитарных дисциплин и, в частности, семиотики и лингвистики, исследующих природу естественного языка как знаковой системы. Определяя понятие «текст», И. Р. Гальперин указывал: «Это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый модальный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» [5, с. 70].

Изучение модернистского текста в семиотическом срезе представляет собой сложную и малоисследованную проблему не только относительно китаистики, но и в глобальном плане, так как его знаковое пространство содержит обширную информацию и может служить источником лингвистических, культурологических, исторических и других научных знаний. На эту особенность текста указывал М. М. Бахтин, определяя его как «...первичную данность (реальность) и исходную точку всякой гуманитарной дисциплины» [3, с. 288].

В качестве научной основы изучения знаковой системы модернистского текста мы используем семиотические идеи М. М. Бахтина, Э. Гуссерля, Л. Ельмслева, Ю. М. Лотмана, Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, Г. Фреге, В. В. Мартынова, Р. О. Якобсона, Чжао Ихэна, Юань Мэнмэна и др. Современные исследования лингвистики художественного текста подразумевают целостный подход к изучению функциональных особенностей его языковых средств наряду с культурным и литературоведческим контекстом конкретной эпохи (В. В. Виноградов, Р. О. Якобсон и др.). Ю. М. Лотман отмечал: «...текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо языке, а как сложное устройство, хранящее многообразие кода, способное трансформировать получаемые сообщения и породить новые; это информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [7, с. 160]. Потенциал модернистского текста, таким образом, способен содержать информацию о национальной ЯКМ как совокупности знаний, закодированных в знаковой системе языка. Один из главных феноменов модернистского текста заключается в том, что он, в отличие от других единиц знаковой системы (выражений, предложений, графем или сочетаний иероглифов), образующих данную языковую модель, по своей структуре исключительно многослоен и многомерен, поэтому семантика содержащихся в нём «сообщений» неоднозначна и не может быть определена раз и навсегда.

На последнем этапе своего развития китайский модернизм (1979–1989 гг.) сформировался в особую модель коммуникации, отражающую особенности китайской ЯКМ 80-х гг. XX в. Это позволяет рассматривать его как уникальное семиотическое образование, представляющее собой образец синтезированной языковой структуры, в которой зашифрована кодовая информация западной и китайской культур, что в глобальном плане «представляет со-

бой организованную классификацию человеческого опыта» [1]. Текст в лингвистике и семиотике выступает объектом исследования знаковой области, единицы которой способны раскрыть структурно-смысловое и прагматическое языковое единство, организованное, во-первых, в соответствии с жанрово-стилевой спецификой (знаковая система художественного текста может содержать характеристики всех стилей) и, во-вторых, представляющее собой своеобразный срез ЯКМ Китая последних десятилетий XX в. В отличие от литературоведческого интереса, предполагающего исследование предметно-образного мира и идейно-смысловой стороны содержания текста, лингвосомиотический подход к изучению текста направлен на выявление специфики структуры и семантики системы знаков, составляющих его языковую канву. При этом, рассмотрение структурно-смысловых условий функционирования знаков модернизма позволяет не только раскрыть семиотический потенциал их природы, но и установить, что «язык служит не только целям общения, но и является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом, который живёт в определённой экологической среде, осваивая её при сменяющихся, но характерных именно для него социальных условиях, для его культурного и гражданского развития и т. д.» [10, с. 175].

Сопрягая наше исследование с идеями учёных, мы рассматриваем текст и как специфическую многоуровневую систему, характеризующуюся динамикой знаковых процессов, и как того или иного вида репрезентатив, обусловленный жанровой принадлежностью текста. Тексты китайского модернизма 80-х гг. XX в. концептуально объединяет общая идея («литература поиска корней» 寻根文学), выражаемая специфическими средствами языка как системы знаков. Модернизм не демонстрировал окончательного разрыва с традицией (как это будет происходить в языке пришедших позднее авангардистов), а языковые средства использовались и комбинировались с учётом модернистских принципов, где главные – семантика и структура знака направлены на создание субъективных образов, отношений, явлений, а позиция автора неактивна и невыражена. Знаковыми маркерами стереотипных представлений автора как языковой личности служат «повторяющиеся и лейтмотивные слова, текстовые символы, тематические, синонимические, антонимические и ассоциативно-образные ряды, формирующие внутритекстовые и межтекстовые ассоциативные поля» [12, с. 85]. Создание модернистского текста – это результат значительных изменений в элементах картины мира автора, возникших в результате слияния западного и китайского мировосприятия, поэтому средства репрезентации в его языке также становятся специфичными.

Семантика и синтактика модернистской системы знаков – сложнейшие уровни семиотической интерпретации. А. Вежбицкая, отмечая эту лингвистическую сложность, указывала, что: «овладение языком есть прежде всего постижение значения» [4, с. 30]. На наш взгляд, семиотический подход к исследованию модернистского текста обладает возможностями предоставления некоторых типологических характеристик и алгоритмов, способных помочь

обеспечить расшифровку семантики знаков модели модернизма. Продолжая свою мысль, А. Вежбицкая утверждает: «Семантика есть наука о понимании» [4, с. 37]. Достижение этого понимания возможно посредством осуществления семиотического подхода к анализу основных уровней модернистского текста. Например, интерпретируя знаки, функционирующие на семантическом уровне текстового пространства, следует учитывать, что их смысл раскрывается посредством ряда характеризующих данный знак других слов (знаков), сочетаний слов или выражений.

Исследуя китайский модернистский текст в рамках лингвосемиотики, мы рассматриваем его как языковую модель, знаки которой функционируют на семантическом и синтаксическом уровнях. Образуя целостную многослойную структуру текста, знаки решают важнейшую задачу – отразить специфику авторской картины мира, которая, в свою очередь, является репрезентативным элементом национальной ЯКМ. Такую организацию структуры текста мы понимаем, как обозначенный У. Эко функциональный «комплекс знаковых средств, построенных на основе одного или более кодов с целью передачи определённых смыслов, и поддающихся интерпретации и интерпретируемых на основе этих же или других кодов» [14, с. 107]. Кроме того, знаки выполняют информационную функцию, моделируя бесконечный процесс порождения интерпретанты (ответной реакции), так как знаковая система, представленная каким-либо текстом, предполагает его обязательное прочтение со стороны получателя информации (реализация прагматического уровня, выделяемого, как правило, в отдельную область семиотических исследований). В языке модернизма третий уровень функционирования знаков (прагматика) практически стёрт, так как адресата, во-первых, интересует отражение в тексте собственной картины мира, её структура и целенаправленный процесс организации языковых средств, и, во-вторых, позиция автора текста имплицитна. Однако прагматика, являясь специфической принадлежностью семиотики, не может быть проигнорирована при исследовании художественного текста. Знаки модели «модернизм» вступают во «взаимодействие» с интерпретатором, обладающим значительными знаниями об особенностях национального кода. Качество и уровень прочтения знаковой системы модернизма (декодирование) зависят от возможностей адресанта и обусловлены особенностями его собственной картины мира. Следуя мысли А. Н. Гордея, отмечающего: «Что же касается введённой в научный оборот Ч. Пирсом и Ч. Моррисом прагматики, то прямых соответствий между нею и синтаксисом или семантикой нет. Без прагматики вполне можно обойтись, если рассматривать коннотацию, а точнее – периферию языкового значения» [6, с. 15], мы сосредотачиваем наш научный интерес на структурно-смысловом анализе природы модернистского знака.

Знаковое пространство текста, являющегося одним из центральных понятий семиотики, представляет собой материализованную форму определённого сообщения. Содержащаяся в тексте информация – это всегда некий код (от лат. *codex* – «свод законов»), представляющий собой вариант комбиниро-

вания знаков, включая и иконические (невербальные) символы, которые в дискурсивных рамках художественного текста для разных интерпретаторов будут иметь разные результаты «дешифровки». Р. Барт указывал на то, что знаковая система художественного текста «содержит в себе одновременно несколько смыслов в силу самой своей структуры» [2]. Тем самым, проблема определения смысла, наряду с выявлением особенностей семиотической синтактики, является одной из наиболее сложных проблем лингвистического исследования.

После длительного периода жёсткой цензуры, предшествующего третьему этапу развития модернизма, в культурном пространстве Китая 80-х гг. XX в. данное направление было, наконец, утверждено на официальном уровне. Содержание модернизма как знакового явления во многом определили значительные семантические сдвиги в стереотипных образах и знаках, репрезентирующих национальную ЯКМ как символично-метафорическое пространство. Это, в свою очередь, сформировало характерные языковые установки, которые практически целиком обусловили структурно-смысловую природу знаковой системы модернистского текста. На всех уровнях семиотики знаковая система модернистской языковой модели выступает демонстрацией радикального характера, проявляющегося в семантике отрицания привычных конвенций отражения картин реального мира. Исследование модернистского текста 80-х гг. XX в. показало, что структурно-смысловые особенности функционирования его знаковой системы проявляются следующими специфическими маркерами:

1) в структуре текста появляются знаки, возникновение которых обусловлено влиянием западных языковых образов и стереотипов (примеры из текста Ван Аньи «Конечная станция» (1981) «本次列车终点站», здесь и далее – перевод наш):

“人, 要善于从各种各样的生活里吸取乐趣。到哈尔滨, 就溜冰; 到广州, 就游泳; 去新疆, 吃抓羊肉; 去上海, 吃西餐..... В Харбине – покататься на коньках, в Гуанчжоу – поплавать, в Синьцзяне – отведать плова с бараниной, а в Шанхае – европейской пищи.

Знак **西餐** *европейская кухня* указывает на то, что в ЯКМ Китая 80-х гг. XX в. сформированы стереотипные образы западной картины мира. Ассоциации, вызываемые знаком, расширяет ряд конструкций, в которых подчёркивается, что Китай – современная страна, воспринявшая и перенявшая культурную специфику Европы.

Синтаксическая конструкция содержит знаковые образы – крупные культурные центры страны, которые составляют конструкции с особым символом, указывающим на глобальные модные реалии, ставшие привычными и в китайских городах. Кроме того, возникает стойкая ассоциация с четырьмя сторонами света, что, возможно, указывает на растущую связь Китая со всем миром: Харбин – коньки (ассоциации: Север, лёд), Гуанчжоу – плавание (Юг, море), Синьцзянь – плов (Восток, восточная пища), и Шанхай – европейская кухня (Запад, модернизация).

Семантика знака 登 *módēng*, *современный, модерн* (заимствование из английского языка: modern) определяется контекстуально и в структуре модернистского текста служит для выражения синтезированного образа «новая реальность». Данный стереотип возник в китайской ЯКМ в результате культурного взаимодействия двух традиций: западной и китайской.

2) единицы языка приобретают новые семантические наслоения и символичный смысл:

– 這叫什麼顏色？陳信問。

弟弟內行地回答：鹹菜色。現在很興的 [15].

«Как называется этот цвет?», – спросил Чэнь Синь.

Братишка ответил с видом знатока: «Цвет рассола [у мебели]. Сейчас в моде».

Сочетание «Цвет рассола [у мебели]» следует рассматривать как новое отражение реальности новыми языковыми средствами. План выражения (означающее, графический образ) комбинации иероглифов 鹹菜 приобретает несвойственную китайской традиции специфику модернистского знакового сочетания. План содержания (означаемое) комбинации 鹹菜 (дословно: соленья, овощи, засоленные в рассоле (в сое) [16], употреблённый в контексте «鹹菜色。現在很興的。», содержит прямое указание на необычность «образа», не вызывающего привычных ассоциаций у субъекта ситуации и ему требуется дополнительное пояснение 現在很興的 (сейчас в моде).

3) отрицание незыблемых канонов и правил отражения языковой реальности, проявляющееся нарушением привычной линейной структуры текста: стирание границ пространственно-временного подуровня и сдвиг акцентов в сторону символично-метафорического подуровня:

那是被細心分割成一小塊一小塊，繡花似地織上莊稼的田野。一片黃，一片青，一片綠，河邊邊上，還綴著一個紫色的三角形 [15]. *Это было поле, старательно разделённое на отдельные кусочки и покрытое посевами, подобно изображению на вышивке. Один кусочек жёлтый, один синий, один зелёный, а у реки ещё был фиолетовый треугольник.*

Знак 田野 *поле* – традиционный символ китайской картины мира, в которой природные образы являются языковыми универсалиями, определяющими целостность национального образа мира. Однако в данном сложном синтаксическом выражении знак 田野 *поле* уже не содержит традиционной семантики, указывающей на некую целостность или единство: в конструкцию вводятся знаковые образы 一小塊一小塊 *кусочки (поля)* и 繡花 *вышивка*, которые соотносятся как семантически неделимое единство, выстраивающее метафорический образ разорванного на вышитые разными цветами лоскуты поля.

4) афористичные образования, представляющие собой образец оригинального лаконичного законченного выражения мысли в форме, лёгкой и удобной для запоминания, и содержащие философский, житейский, социально-значимый и др. смысл:

人，要善於從各種各樣的生活裡吸取樂趣 [15]. Человеку нужно уметь получать удовольствие из любой жизненной ситуации.

運把你安排在哪裡，你就把哪裡的歡樂發掘出來，盡情享受。也許，這就是人生的樂趣吧 [15]. *Куда отправит тебя судьба – там нужно искать удовольствие и всецело наслаждаться им. Вот в чём радость жизни.*

Авторские афористичные сочетания, благодаря введению традиционных для китайской ЯКМ символов (*судьба, жизнь*) и специфических для модернизма знаков, указывающих на семантику субъектности (*человек, удовольствие, наслаждение, радость*) приобретают целостность символического образа, указывающего на синтезированную знаковую систему языковой модели «модернизм».

5) применение новых синтаксических структур: обрывочные, вставные, вводные, фрагментарные конструкции, своеобразный «монтаж» знаковой системы; введение повторов (параллелизмы), маркирующие особую знаковость языковой единицы; междометные сочетания и выражения; инверсии; комбинации средств разнородных стилей и др.:

看慣北方一望無際遼闊的沃土的眼睛，會覺得有點狹隘和擁擠，可也不得不承認，這裡的一切像是水洗過似的清新、秀麗 [15]. *Привыкший к просторам обширных северных земель глаз может счесть, что здесь очень тесно и многолюдно, но всё равно не сможет не признать свежесть и красоту здешних мест, будто омытых чистой водой.*

В первой части синтаксической конструкции планом выражения знака *глаз* является олицетворение, осложнённое семантикой метафоричности. Вторая часть содержит комбинацию знаков *水洗過似的 будто омытых чистой водой*, относящихся к описанию знакового сочетания *красота здешних мест* и вызывающих широкий ряд ассоциаций (*дождь, чистота, свежесть, благоуханность, любовь к родине*).

上海是好，是先進，是優越 [15]. *Шанхай – прекрасный, современный, превосходный город.*

Знак **上海** Шанхай в тексте Ван Аньи данный упоминается 50 раз, что, безусловно, не может не указывать на его особый символический смысл.

6) использование уникальных форм знаковой сочетаемости и новых вариантов комбинирования языковых средств, указывающих на их ассимиляцию в картине китайских стереотипов:

前方到站，是本次列車終點站——上海……[15]. *Следующая станция – конечная станция нашего поезда. Шанхай...*

Данная конструкция имеет глубокий знаковый смысл: она является первым предложением и «открывает» текст. Комбинация *конечная станция* репрезентирует семантику безысходности и тревоги, которая по ходу повествования будет нарастать. Таким образом, в модернистском тексте обеспечиваются условия функционирования знаков на структурно-смысловом уровне.

И ещё одна комбинация знаков в сочетании 目的地 («*досл. «пункт назначения»*») «конечная цель», которая интерпретируется с противоположным смыслом: указывает, что означаемое есть «ключевая цель», «важнейшая точка», достижение которой для главного героя – это жизненный успех.

Комбинация 文化革命 *культрев* – знаковая в ЯКМ Китая в 80-е гг. XX в. Означающее указывает на явление, сформировавшееся в устойчивый стереотипный образ пережитых китайцами ужасов «перевоспитания», устроенного Великим Кормчим. Данный знак после окончания событий культурной революции стал одним из самых устойчивых в национальной ЯКМ.

7) образование новых семантических планов, порождаемых системой модернистских знаков и проявляющихся спецификой: антропоморфного характера языка; невербального выражения; эмоционально-экспрессивного характера знаковых единиц, указывающих на важность переживаний личности; олицетворений и сравнений; гротескности или ироничности, скрытых и имплицитных в многослойной семантике знака; терминологической ассимиляции в языке модернистов иноязычных понятий, воспринимаемых и понимаемых благодаря пространственно-мыслительной функции сознания соотносить стереотипные образы, делая их узнаваемыми.

上海，多麼瞧不起外地人 [15]. *Шанхай же презирал чужаков.*

Олицетворение в конструкции, где используется один из ключевых знаков текста: 上海 *Шанхай* предстаёт живым существом.

哦，家，這就是家 [15]. *Да, дом – это дом.*

Знак 家 *дом, семья* при первом употреблении в предложении имеет прямое значение *дом – жильё*, однако второе употребление знака в конструкции ведёт к семантическим наслоениям: *дом – кров, родина, защита, крепость, узы, семья.*

他在黑暗中睜了睜眼睛，心想：我回來了 [15]. *Он раскрыл глаза в темноте, подумал: «Я вернулся».*

Комбинация знаков 黑暗 *темнота* и 眼睛 *глаза* вызывает ассоциацию с символическим стихотворением модерниста Гу Чэна «Поколение» (顧城 «一代人», 1979), звучащим для любого современного китайца как афоризм:

黑夜给了我黑色的眼睛
我却用它寻找光明

Чёрная ночь подарила мне чёрного цвета глаза.

Чёрными глазами ищу я теперь ясный свет [перевод – наш]

В «Поколении», как и во многих других стихах «туманных поэтов» конца 70-х гг. XX в., нашли воплощение мысли «потерянного поколения», рождающиеся на фоне трагедии «культурной революции». В двух строчках описавшее суть времени, оно стало символом целой эпохи, а Гу Чэна сделало чуть ли не пророком.

8) субъективизм как главный семантический аспект семиотического выражения, при котором знаковые средства эпического повествования заменяются знаками эмоционально-экспрессивной семантики.

Язык китайских модернистов, выражающий идею субъектности, изобилует личными местоимениями, указывающими на важность человеческого «Я», его внутреннего мира и его отношения к реальности. Это отличает знаки модернистского текста от языка предшествующих текстов литературы, где ключевым семантическим аспектом текста была характеристика коллективного «Мы». В китайской терминологии проявление в языке семантики, указывающей на формирование новой субъектности, охватывается понятием *现代性 сяндайсин*, которое соответствует западному *modernity* (современность). Знаковая модель модернизма обладала столь высокой специфичностью, что требовала от читателя новой техники «прочтения» текста, обладающей опциями постижения структурно-семантических сдвигов и расхождений в характере «означаемого» и «означающего», присущего природе языковой единицы данной системы. Один из важнейших признаков выражаемой в модернистском тексте субъектности – описание ущербной (физически или психически) личности, субъекта, имеющего некий изъян:

他長得又高又細，小時候，外號叫長豇豆。功課雖則很好，室外反映卻很慢 [15]. *Он был худым и долговязым, в детстве все звали его «стручок». Учился он хорошо, но вне класса реакция у него была заторможенная.*

Узнаваемый модернистский маркер – семантика физической ущербности (長豇豆 *длинная стручковая фасоль, «долговязый»*) либо умственной неполноценности субъекта (慢 *заторможенный*) для привлечения внимания интерпретатора к личности и её значимости.

他是个外地人，陌生人。Он [для Шанхая] чужак, незнакомец. 上海，多么瞧不起外地人 *Шанхай презирал незнакомцев.*

Знаки 外地人 *чужак, 陌生人 незнакомец* также ассоциативно указывают на знаковый образ личности: человек, чуждый обществу, незнакомый городу, соответственно, в чём-то неполноценный, особенный.

Обращение к национальным истокам, выбор языковых средств для отражения данной идеи были определены, во-первых, официальным признанием модернизма, во-вторых, активизировавшимися попытками авторов осознания себя, своего места в этом мире, интерес к национальной идентичности и, во-третьих, масштабное знакомство с западными образцами модернистских текстов (в первую очередь, с латиноамериканским «магическим реализмом»). Всё, что было ранее невозможно, переросло в уникальное явление – китайский модернизм. Указывая на значение проблемы национального сознания в модернистских текстах, востоковед Н. К. Хузиятова отмечала, что «менталитет современного человека обусловлен национальной культурной традицией, а значит, должен развиваться из неё» [11, с. 23]. Говоря об основе семиотической системы модернизма, мы можем утверждать, что её состав-

ляют специфическая организация уровней текста, а также семантика и структура его знакового пространства, которые отражают масштабные изменения, происходящие в ЯКМ Китая в указанный период. Тем самым, модернизм как семиотическая система становится знаковым воплощением символической матрицы национального сознания, своеобразным зеркалом, в котором высвечиваются присущие картине мира китайцев стереотипы, образы, представления. «Выступая в виде средств абстрагирующей познавательной деятельности, такие знаковые (символические) системы в то же время делают возможным, с одной стороны, превращение индивидуального опыта в социальный, а с другой – приобщение индивидов к этому опыту» [8, с. 75].

Таким образом, лингвосемиотический анализ китайского модернистского текста как ключевого явления в культуре Китая 80-х гг. XX в. позволил выявить специфику структурно-смыслового моделирования его знакового пространства, основными уровнями которого являются семантика и синтактика. В соответствии с полученными результатами исследования, можно отметить, что текст представляет собой языковую модель, синтактико-семантическая интерпретация знаков которого не может быть однозначной и окончательной, так как целиком зависит от особенностей ЯКМ, свойственной интерпретатору. Данный аспект указывает на широкий потенциал модернистского текста как выразителя природы китайской ЯКМ в последние десятилетия XX в. Полученные результаты позволяют рассматривать модернистский текст как одно из феноменальных семиотических образований, язык которого указывает на специфические маркеры синтактико-семантического моделирования реальности, образование индивидуально-авторских комбинаторных вариантов знаковой сочетаемости, фрагментарное отражение ЯКМ и нетипичную ранее для китайской художественной прозы семантику субъективизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 480 с.
2. *Барт, Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс: Универс, 1994.
3. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281–308.
4. *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
5. *Гальперин, И. Р.* О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 68-74.

6. Гордей, А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции / А. Н. Гордей // Чтения, посвящённые памяти профессора В. А. Карпова. – Минск: изд. центр БГУ, 2007. – С. 12–18. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/49791>. – Дата доступа: 01.10.2024.
7. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 158–162.
8. Маркарян, Э. Б. Философско-методологические проблемы анализа языка науки / Э. Б. Маркарян. – Ереван, 1989. – 297 с.
9. Пирс, Ч. С. Принципы философии: в 2 т. / Ч. С. Пирс; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. – Т. 2. – 313 с. – (Серия «Горизонты феноменологии»).
10. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–203.
11. Хузиятова, Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Хузиятова Надежда Константиновна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 226 с.
12. Щирова, И. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 171 с.
13. Chafe, W. Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge / W. Chafe // Bahner W., Schildt J., Viehweger D. (eds). Proceedings of the fourteenth international congress of linguists, Berlin 1987. – Berlin: AkademieVerlag, 1991. – P. 57–68
14. Eco, U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message / U. Eco // Working Papers in Cultural Studies, 1972. – 2. – Pp. 103–121.
15. 王安忆 《本次列车终点·王安忆短篇小说系列》 / 出版社: 上海文艺, 2016. – 305 с. = Ван Аньи. Конечная остановка. Серия рассказов Ван Аньи. – Издательство: Shanghai Literature, 2016. – 305 с.
16. Большой китайско-русский словарь онлайн. – Режим доступа: <http://bkrs.info/>. – Дата доступа: 01.10.2024.

Информация об авторе:

Астрамечкий Владислав Сергеевич – преподаватель Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.